

Вера

Первый раз он услышал словосочетание «пропал без вести» в шесть лет, когда мама открыла принесённое почтальоном треугольное письмо, как он думал, от папы. Мама открыла и, начав читать его, упала на землю, выронив листок из своих рук. Выбежавшая из дома бабушка подняла его, прочитала, и её лицо сразу же, как бы окаменело. Она помогла подняться уже пришедшей в себя маме. И они, вдруг обнявшись, заревели в голос. Стасик не понимал, что произошло, но и его рёв вплёлся в плач двух женщин. А те, так и обнявшись, пошли в дом. Мальчонка поплёлся следом за ними, понимая, что произошло что-то страшное. Уже в доме, напившись холодной воды и немного успокоившись, мама сказала ему, что их папка на фронте пропал без вести.

- Как это пропал? – недоумённо спросил Стасик. – Он ведь не перочинный ножик, не рукавичка и не иголка без нитки?

- Да вот так, - снова начиная плакать, сказала мама, - пропал и всё! Нет его ни среди живых, ни среди мёртвых.

- А разве так бывает? – снова спросил сын.

- Оказывается, бывает, - вытирая слёзы, ответила мама.

- На войне, милый мой, - подхватила бабушка, - всё бывает. Мой братик в первую мировую так сгинул.

- Как это «сгинул»? - не унимался внук.

- Ну, пропал, исчез. Никто не видел, чтобы его убило, ранило, чтобы он в плен попал.

Пропал и всё. Как сквозь землю провалился.

- А разве сквозь землю можно провалиться? Она же твёрдая, – не унимался Стасик.

- Можно, ещё как можно, - тяжело вздохнув, сказала бабушка. – Иди-ка погуляй. Нечего тут с нами нюни распускать. Может быть, всё и обойдётся.

- Что обойдётся? – настойчиво допытывался ребёнок.

- Да иди ты погуляй, - уже повышая голос, сказала бабушка и повернула внука к выходу из комнаты.

На улице, в толпе таких же мальчишек и девчёнок, собравшихся около их калитки, привлечённых громким плачем женщин, он с гордостью, ещё не понимая, что произошло на самом деле, сказал: «А мой папа пропал без вести, вот!»

Такого рода сообщения и похоронки стали приходиться его соседям по улице очень часто. Через месяц уже не было ни одного дома, где бы люди не плакали от потери своих родных и близких. А кто-то радостно выскакивал на улицу размахивая письмом, в котором говорилось, что их родственник ранен и лежит в госпитале. Таким завидовали тихой завистью и, тяжело вздыхая, думали: «Хоть бы и мой вернулся. Пусть и без ноги, или там руки, но живой».

Через два месяца они всей семьёй были эвакуированы в Сибирь. Немцы подходили к их городку и из него эвакуировали машиноремонтный завод, на котором работал дед. Дед, прочитав сообщение о сыне, строго сказал: «Нечего нюни распускать. Пропал без вести – это не убит. Жив будет – вернётся».

- Вы так думаете, папа? - спросила мама Стасика.

- Именно так и думаю. И ты должна так думать и верить, что муж твой обязательно, слышишь, обязательно вернётся! Вера, - он повернулся в «красный» угол, где когда-то до тридцать седьмого года там стояла икона и горела лампадка, - только и спасает человека в

трудные дни. Так что ты верь. И внук пусть верит. Вернётся его папка, - и он погладил внука по голове. – Веришь? – переспросил он внука.

- Очень сильно верю, - неожиданно даже для себя сказал Стасик.

Когда они грузили на машину свой нехитрый скарб, немцы начали обстреливать из пушек железнодорожную станцию и стоявшие на ней составы. Их дом находился метрах в пятидесяти от железнодорожных линий, и снаряды залетали и на их улицу. Один такой снаряд, проломив крышу, упал в большой комнате, где они все в тот момент и находились, но не взорвался. Им несказанно повезло.

- Так,- сказал дрогнувшим голосом дед, - это нам указка, что пора уходить. Давайте-ка быстренько из дома.

Они забрались в кузов машины, и она поехала в сторону вокзала. Все, прощаясь, смотрели на свой дом, когда во двор попал следующий снаряд. Было видно, как взлетели на воздух подсобные помещения, а из окон дома, выбив все стёкла, рванула серая масса земли и пыли. Такой же взрыв грохнул и во дворе соседа Михалыча.

- Прощай, родной угол, - пробормотал дед и перекрестился.

В Сибири они жили до конца сорок четвёртого года. Мама не разрешала бабушке поставить фотографию мужа – бабушкиного сына в траурной рамке. Она всегда твердила сыну, что папа жив и вернётся, хотя однажды Стас слышал, как она сказала бабушке: «Пусть хоть Стасик верит, что на свете случаются чудеса, и его папка жив».

Их знакомые, а среди них были и мужики, вернувшиеся с фронта инвалидами, или сильно там заболевшими, подвыпив, в один голос говорили, что без вести пропавший – это, считай, мёртвый. Куда он мог пропасть с поля боя? Или убит, только никто не видел как и когда, или попал в плен, что сравнялось со смертью, особенно после указа Сталина считать всех попавших в плен предателями Родины.

В сорок третьем году умерла его бабушка, после полученной похоронки на дочь. Медсанбат, где дочь служила врачём, был разбомблён, и в живых не осталось никого. Дед пережил бабушку всего на полгода.

Вернувшись в свой городок, Стас и мама обнаружили, что их дом цел и в нём даже живут какие-то люди. Когда их область была освобождена от фашистов, то в неё стали возвращаться жители, и они вселялись в пустые, пусть даже и частично разбитые дома. Так случилось и с их домом. Там жили люди, которые работали уже на восстановленном машиноремонтном заводе. Споров не было. Все уместились в их восстановленном доме, а через три месяца жильцы съехали в отремонтированный многоквартирный дом завода.

Одним очень ранним майским утром, практически ночью, весь город загрохотал от выстрелов, криков людей, гудков завода и железнодорожного депо, стоящих на станции и железнодорожных путях паровозов. Ворвавшаяся к ним в дом полуодетая соседка во весь голос орала: «Победа! Победа! Победа! Мы победили! Война закончилась!» А мама, присев на край кровати, тихо заплакала, уткнув лицо в ладони.

- Мамочка! Ну, что ж ты так плачешь? - гладил её по голове десятилетний Стасик. – Радоваться надо. Скоро с войны вернётся наш папка, и заживём мы как до войны. Только вот жалко дедушки с бабушкой не будет. Не надо плакать.

- Да, да, - сказала мама, поднимаясь с кровати, и надевая платье, - не надо плакать. Надо радоваться. Пошли-ка на улицу.

На улице было полно народа. Все целовались, обнимались друг с дружкой, плакали и смеялись. Весь народ высыпал на улицу. Потом все двинулись в центр городка, где уже проходил стихийный митинг. Откуда-то принесли красные флаги, мужики прямо на улице разливали по кружкам самогон и пили за Победу! Праздновали два дня.

В конце месяца стало известно, что через их городок будут проходить эшелоны с демобилизованными солдатами. По ночам проходили гружённые военные составы, идущие на Дальний Восток.

Утром в воскресенье в дом вновь влетела соседка.

- Ты чего тут расселась как клушка? – налетела она на маму. – А ну-ка пойдём встречать эшелон с демобилизованными. Может быть, кто-то и из нашего городка приедет.

Она никого не ждала, так как муж соседки уже вернулся домой, правда, на костылях. Ему оторвало левую ногу, но он не потерял своей прежней весёлости и положительного взгляда на жизнь.

- Да куда я пойду? У меня по дому полно работы. А ты Стасик сходи. Тебе интересно будет.

Стас внимательно посмотрел на маму, надел свою лёгкую курточку и вышел во двор. Там он наломал большую охапку цветущей сирени и пошёл в сторону вокзала. На вокзале было столько народу, что, как говорится, «яблоку упасть было некуда». Но Стас потихоньку пробирался к выходу из вокзала на перон. Неожиданно он столкнулся со смотрителем станции, жившим на одной с ними улице.

- И кого же это ты, молодой человек, идёшь встречать с таким шикарным букетом? – весело спросил он у мальчишки.

- Папу, - коротко ответил он сияющему как начищенный медный самовар дядьке.

- Какого папу? – улыбка слетела с лица смотрителя станции. – Ведь твой папка погиб.

- Не погиб, а пропал без вести, - почти сурово поправил его Стас. – А это совершенно разные вещи.

- Ну, дай-то бог! Дай-то бог! – сказал ставшим серьёзным дядька. – Верить, что он жив? – спросил в упор стоявшего перед ним ребёнка.

- Не верил бы – не пришёл, - отрезал Стас.

Он целый месяц ходил встречать эшелоны с демобилизованными солдатами Великой войны. Но папки не было...

Поздним июльским вечером из теплушки очередного состава с демобилизованными солдатами выпрыгнул старший сержант, с котомкой в одной руке и самодельным фанерным чемоданчиком в другой. На груди солдата блестели ордена Славы и Красной звезды, и малиновым звоном перезванивались медали.

- Серёга! – крикнул ему из вагона курносый солдатик, - ты тут не задерживайся надолго, а то мы в Иркутске всех хороших девушек разберём, и тебе ничего не останется.

- Ничего, - ответил Серёга, - на мой век девушек хватит. Да и вдов в нашей стране не мало, - добавил он про себя.

Оглядевшись, направился к выходу с перона и тут увидел смотрителя станции. Что-то очень знакомое мелькнуло в его лице. Очень уж он был похож на его друга Виктора. Сергей подошёл к тому сзади и тронул за плечо.

- Витя, это ты?

Виктор повернулся к нему и, вдруг, отшатнулся.

- Серёга?! – Они обнялись. Оторвались друг от друга и снова обнялись.
  - Ведь ты же погиб, погиб! - быстро проговорил Виктор. – Пришло же сообщение с фронта, что ты пропал без вести. А потом говорили, что ты погиб.
  - Да кто это такое понапридумывал? Ранило меня крепко, полгода провалялся по госпиталям. Первое время, месяца два, лежал без движения, не мог ни говорить, ни писать. Врачи даже не знали кто я и откуда. Но потом ничего, очухался и, вот видишь, жив – здоров.
  - Нет, ты погоди! Это же прямо какое-то чудо!
  - Да брось ты! Никогого чуда нет.
  - Да я не про то! – возбуждённо перебил его Виктор. – Чудо то, что тебя тут целый месяц встречал с цветами Стасик!
  - Какой Стасик, - Сергей заметно побледнел.
  - А у тебя, что их несколько? - хотел пошутить Виктор, но увидев изменившееся лицо друга, быстро добавил, - да сын твой, сын!
- Земля поплыла под ногами солдата. Он вцепился рукой в плечо друга.
- Они же все погибли! - тряся Виктора за плечо, почти кричал Сергей. – Понимаешь, погибли! Мне же написал сосед, Михалыч, что в сорок первом в наш дом попала бомба и все там погибли.
  - Да никто там не погиб, они эвакуировались в Сибирь. И отец твой, и мать, и жена с сыном. А Михалыч был контуженный. Снаряды разорвались в вашем дворе и в его хате. Его сильно контузило и с головой стало не того. Вот он и подумал, что все соседи погибли.
  - Так что, и дом цел?
  - А куда он денется. Дедом твоим построен и ещё лет сто простоит... - он смотрел вслед убегающему другу. – Вот ведь Стас, какой молодец! Никто не верил, а он один верил, что папка жив. Какой молодец! – повторил он.

Сергей быстрым шагом шёл по своей улице. В окнах многих домов уже не горел свет, люди легли спать. Поворот – и он увидел свой дом. Сердце бешено забилося в груди, перехватило дыхание. В одном окошке горел свет. Солдат прислонился к забору и вытер рукой сразу же вспотевший лоб: «Так, спокойно, - говорил он сам себе, - успокойся. Всё будет хорошо. Он дома, и его ждут. Надо как-то осторожно намекнуть о своём приходе, - начал размышлять он. – Нельзя же просто ввалиться в дом, мол, здрасте, вот и я. А вдруг там кто-то ещё есть? – Он тряхнул своей полуседой головой, будто отгоняя дурную мысль. – Да нет, не может такого быть!»

Тихо подойдя к светящемуся окошку, он, как когда-то в молодости вызывая свою любимую на свидание, осторожно поскрёб ногтями стекло...

Мама сидела на кровати у лежащего на ней сына и рассказывала ему историю их любви с папой.

- А вы с ним долго встречались? – спросил сын.
- Да почти три года.
- А чего так долго не женились?
- Ну, во-первых, надо было заканчивать учёбу. Я училась в педагогическом училище, а папа – в железнодорожном. А во-вторых, моя мама была против того, чтобы я выходила за него замуж. А отцу он нравился.
- А почему? – настойчиво допытывался сын.

- Да ведь твой папа был заводила на всей улице. Все считали его хулиганом. Он никому спуска не давал. Но лишь немногие знали, что он сильно помогал стареньким людям, не давал обижать малышей. А вид хулигана у него был показной. Так ему казалось, легче было жить.
- Да, но вы же как-то встречались, гуляли.
- Ну, а как же! Он вечером подберётся к нашему окошку, поскребёт так ногтём стекло, и я знаю, что он меня ждёт. Говорю родителям, что мне что-то спать хочется, уйду в свою комнату, закрою дверь на крючок и в окно к нему. И гуляем аж за полночь. Потом вновь в окно и спать. Так было хорошо. А батя всё говорил, что надо ветки у дерева подрезать, мол, по окнам скребутся. А мне кажется, что он знал, что Серёжа, и я к нему, ну папе, бегаю.
- А ветки точно подрезать надо, - неожиданно сказал Стасик.
- Какие ветки? - с удивлением спросила сына мама. – У нас под окнами никаких деревьев нет.
- Тогда что же там по стеклу скребёт, - сев на кровати сказал Стас. Они замолчали. В тишине явно послышался звук потёртого по стеклу ногтя. Мама побледнела, встала, потом села: «Серёжа, - прошептала она». А сын уже в одних трусах мчался в тамбур, откинул крючок с входной двери и тут же прыгнул на грудь поднявшемуся на крыльцо папке.
- Папка! Папка! - орал он на всю улицу. – Мой папка вернулся! Папка, папка, - твердил он плача от счастья, уткнувшись отцу куда-то в ухо и крепко обхватив его своими руками и ногами. Затуманенными от слез глазами Сергей увидел, как к ним на крыльцо выбежала жена. Она бросилась к нему, а он смог обнять её только одной рукой, другой поддерживая своего уже такого взрослого сына.

«И вижу я сиреневые сны.
Сиреневые запахи я слышу,
Кольшутся, кольшутся над крышами
сиреневые факелы весны.
С сиреновой пылью на носу,
ступая горделиво и степенно,
вдоль улицы с обугленными стенами
сиреневое облако несусь.
И было то – концом большой войны.
Земля гремела залпами и гимнами.
Я верил – победители не гибнут
и пропадать безвестно не должны.
Я шёл через Победы первый день
по улице, насквозь войной пропахшей, -
сын одного из без вести пропавших,
встречать отца. И нёс ему сирень».

Станислав Дорохов, сборник стихов «Второе дыхание»,
Магадан, 1999 год,